

Василий Киляков

Василий Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал дежурным электриком, мастером на заводе (почтовый ящик) в г. Электросталь, служил в армии (г. Киев, Киевское высшее зенитное ракетное инженерное училище), фельдъегерем по спецпоручениям Главного центра спецсвязи (Москва), затем – начальник отдела Главного центра спецсвязи; личная охрана, Росгвардия. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах: «Берега», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Новый мир» и др.

СОЛОВЬИ

Поют любовь ночные соловьи –
то весело, то радостно, то грустно,
рифмуя сердцу: «Милые мои...» –
и отдаваясь песне безыскусно.

Всё движется, меняясь вновь и вновь, –
и только соловьи над лунным полем
поют всё ту же Вечную Любовь
и тех, кто ею так счастливо болен.

Они поют разлуку той княжны,
что выплакала очи от печали,
о девушках, что были так нежны
и с поля брани воинов встречали...

Они поют о скорбных матерях,
о дочерях, что, сна не зная сами,
отцов дождались с рушником в дверях
и омывали раны им слезами.

И вот поют, поют они опять!
О той Любви, что смерти не повинна.
О тех словах, что прошептала мать,
в последний раз обняв за плечи сына.

О наших русских женщинах, о них:
о каждой порознь и о всяких вместе,
вверяя им свой соловьиный стих,
что незабвенно, каждой нотой – честен.

Пусть никогда не впрянут те года,
свои ряды не обновляют роты...
Пусть снег, пусть гарь –
но только б никогда
нам наших жён не потерять заботы.

Страна моя! Ты от истока к устью
цветёшь – сквозь кровь,
сквозь жаркие бои...
Непобедима Русь,
когда над Русью
поют Любовь ночные соловьи!

ГОСПИТАЛЬ

Я присмирел... Ни дать ни взять –
старик: хладеет кровь...
И ни найти, и не понять:
что жизнь и что – любовь?

И, все конюшни обойдя,
не кован я пришёл.
А молодые вслед глядят,
и ждёт с ножом прасёл...

А осень (видел я один)
прошла янтарным днём,
сливаясь с пламенем осин
и растворяясь в нём...

Ты сбереги меня, огонь
последних лет моих!
Что Вятка мне, что Оболонь –
ни добрых нет, ни злых.

В одном огне мы все горим,
и это ль не грешно:
горбатого горбом корить,
гремять пустым горшком?..

Больница...
Жизни тишина,
и – осень за окном.
Янтарная взошла луна...
О чём же я, о ком?

...и вдруг – до боли: было, было, было!

В ветру захлёбывалась рожь,
и так же небо бесприютно плыло,
и так же тело чувствовало дрожь.

И так же я,
весь вымокший до нитки,
когда-то, у истока светлых дней,
весь под дождём, спеша,
входил в калитку
святой и грешной родины моей!

ПОБЕГ

Средь бела дня цыганит мне сорока,
и опрорхотав мчатся поезда.
Стрясётся вдруг: всё брошу я до срока,
уюду вдаль, ууюду навсегда!
На кой мне ляд простор России нашей,
и грубость нежная хмельных моих друзей,
собак голодных стаи, и шабашки,
и мавзолеей, и Ленина музей...
Люфтганза, Боинг, Шонфельд... таможня.
Потом – иноязычья маета.
У немцев всё изысканно, но сложно:
кладбищенская душит чистота.
И за неделю – вдруг предельно ясно:
в чужом доме и брага не сытна.
И от себя не убежишь, напрасно!..
Калина горькая – чужая сторона!
Проснусь в ночи – помятый, некрасивый,
Такой, как есть, каким останусь впредь...
И вновь пойму, что я люблю Россию,
в которой счастье – жить и умереть.

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...
Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше – сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы,
и жеребёнка с маткой росный бег...
Кухарка – девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
как век.

Сентябрь, как крепкий тёрн на ветке,
созрел в замшелый день.
На гумнах ссорятся соседки,
а в сердце – сон и лень...
И ветер носит пух в навозе,
в хвосты толкает кур.
И гаснет солнце на морозе,
а луч его – что твой шампур!
Вот он пронзил подворье остро –
в застреху, в щель...
Летает пыль, соломы остье,
в луче от искр – метель!
Лежу в сенях на сеновале –
и жизнь люблю.
И за бытийность эту в теле –
благодарю!

* * *

Босиком иду, как граф Толстой!
Светят избы тусклыми глазами.
Хорошо по утренней Рязани
топать на колодец босиком!..

Босиком ходил и я за плугом,
и коня я бороздой водил.
На коне и под конём – не пуган,
сутки косовицы проводил.

У меня в друзьях графья да князи –
заслужил, знать, русский мужичок,
что ко мне «советский князь» привязан
(нам теперь и это нипочём).

Отгремела свара по России,
казачки повспомнили царя.
И кого теперь вот ни спроси я –
всё казаки, графы да князья...

Казак, брат, назвать могу я
лишь того, кто, на исходе сил,
за царя, за Веру, негодуя,
рысью мчался с пашкой на «максим».

Сном ответит память на рассвете:
ты судьбу не вороши, не зли...
Подхорунжий, дед, зерном – навеки
в борозде за кромкою земли.

Я не князь и не Толстой ни грамма.
И крестьянской поступью простой
с ведерком иду: крестьянке-маме
за холодной ключевой водой.